

НЕСКАЗОЧНАЯ НАРОДНАЯ ПРОЗА

В устном народном творчестве, как и в литературе, есть стихотворные и прозаические жанры. К стихотворным жанрам относятся, например, былины и песни (хороводные, лирические, исторические, бурлацкие, разбойничьи).

Самый известный прозаический жанр фольклора – сказки (сказки о животных, волшебные, бытовые). Однако помимо них существует ещё так называемая несказочная проза – легенды, предания и былички.

В отличие от сказок произведения подобного рода не имеют установки на вымысел. Сказка – это художественная выдумка, задача которой – развлечение и поучение. А вот легенды, предания и былички передаются из уст в уста как свидетельства о действительных происшествиях. И хотя элемент чудесного, необычного в них нередко присутствует, рассказчик и слушатели не должны сомневаться в истинности рассказа. Несказочная проза повествует о событиях, которые якобы случались в былые времена или даже совсем недавно.

Слова «легенда» и «предание» могут употребляться в разных значениях. Но в науке об устном народном творчестве за ними закреплён определённый смысл.

Легенда – устный народный рассказ религиозного характера о событиях, происходящих под действием сверхъестественных сил. С точки зрения современного человека легенды фантастичны по содержанию. В них может повествоваться о происхождении земли, неба, стран, морей, рек, народов, живых существ, растений, об основании

монастырей и храмов, о путешествиях Бога, апостолов и святых по земле, о воздаянии за грехи и за добрые дела, о конце света.

Предание – устный народный рассказ о реальных лицах и событиях прошлого, основанный на их вольном поэтическом толковании. В этих рассказах обычно идёт речь об известных деятелях прошлого (исторические предания) или о происхождении названий городов, рек, гор (топонимические предания).

Быличка – короткий устный народный рассказ о встрече человека с нечистой силой: чёртом, лешим, русалкой, водяным, домовым, покойником, оборотнем, ведьмой.

Легенды, предания и былички нередко используются как материал для литературного творчества. Писатели охотно обращаются к ним как к сюжетам, в которых отчётливо проявляется народно-поэтическое мышление.

ЛЕГЕНДЫ

КАК МУЖИК С НИКОЛОЙ ПУТЕШЕСТВОВАЛИ И ЧТО ОНИ ВИДЕЛИ

Было это не очень давно, да и не очень от нас близко. Жил мужик по имени Фалалей. Он был не особенно богат, да и не беден; не очень стар, да не молод; не очень умён, да и не глупый. А такой хитрый, что если что увидит, то всё ему объясни да расскажи. Захотелось ему узнать, долго ли он проживёт на этом свете, каково ему будет после смерти. И стал просить святого Николая Чудотворца, чтобы тот ему открыл и показал будущее.

Раз ему и было такое видение: является в светлых ризах¹ старец и говорит:

---

¹ *Ризы* – одежды.

– Пойдём, покажу я тебе твою будущую жизнь и место, тебе уготованное.

Пошли. Долго они брели по незнакомой лесистой местности и подошли к такой большущей комнате, что и конца-краю не видать. В комнату вели двери, они были заперты. Но по слову святого Николая двери сами отворились.

– Иди в горницу, – говорит святой Николай, – погуляй там, а я приду за тобой.

Пошёл Фалалей, и дверь за ним сама затворилась.

Огляделся мужик и видит, что к потолку лампадки навешаны. Их так было много, что, кажись, считай целый век, так и то не сосчитаешь. Одна лампадка только дымилась: масло всё выгорело, другая уже погасла: масла не было; третья горела. Этих лампадок было не меньше, чем и потухших. Одни горели ярко, другие едва мерцали. Одни горели ровным светом, другие вспыхивали. И понял мужик, что лампадки эти – жизни людей.

Стал он присматриваться – нет ли где и его лампадки, с его жизнью, и, после долгих поисков, нашёл. Поглядел Фалалей на свою лампадку и обмер от страха: в ней масла было на доньшке. А рядом висела лампадка его жены, и полная масла. «Ну, уж это... чтобы я позволил своей тасканой онуче¹ пережить себя? Нет, шалишь!» Захотелось ему из жениной лампадки перелить масло в свою. Но не тут-то было. Лампадки так сделаны, что отнять их нельзя. Как же быть? Думал, думал мужик и, наконец, догадался. Окунёт палец в женину лампадку с маслом, поднесёт к своей да и обтирает палец о края, чтобы масло-то в лампадку стекало.

Николай Угодник. Икона

¹ *Онуча* – портянка, кусок ткани, которым обматывают ногу при ношении лаптей или сапог.

Попробовал раз – удалось, и масла в лампадке поприбыло. И давай мужик в чужой лампадке пальцы окунывать да в свою масло переливать. Пробился час-другой и видит, что в его лампадке масла чуть не половина прибыла. «А, проклятая, – думает Фалалей, – хотела меня раньше уморить, а сама остаться? Нет, врѣшь! Завтра же околеешь, как масло всё вымочу».

Глядь, а Николай Чудотворец и идёт к нему.

– Ты что это делаешь, чадо? – спрашивает святитель.

– Да ничего, Божий Угодничек, вот хотел волоса маслом помазать, больно сухи стали...

Поглядел на него святой Николай, но ничего не сказал, а повёл его дальше. Долго ходили они; наконец, пришли к другой комнате, не меньше первой, только та была тёмная и мрачная.

– Ступай туда, – сказал Николай Чудотворец, – а я приду за тобой.

Вошёл Фалалей в тёмную горницу, и она осветилась. Поглядел он во все стороны, и волоса дыбом стали. В одном месте лежали цепи, в других крючья, в третьих щипцы огромные, в четвёртом висели котлы, а под ними были целые груды угля. Понял Фалалей, что это всё для грешников припасено, это их будут мучить после смерти.

Стал он поглядывать, нет ли где чего-нибудь и для него приготовленного. И видит он: огромный котёл висит на железных цепях, а под ним целая гора угля. Догадался Фалалей, что это его будут поджаривать в этом котле, для него припасено столько уголья. А недалёко висел другой котёл, поменьше, и угля под ним было немного – воза два. «Вот тебе и раз! – подумал мужик. – На этом свете моя баба дольше хочет прожить, да и на том ей вольготнее будет». Стал он думать, как бы от своей груды угля убавить, а в груды женину прибавить. Поглядел по сторонам, не найдётся ли где корзинки или чего-нибудь другого, чем бы можно было углей из одной кучи в другую поносить. Ничего

*Севернорусский крестьянин
(рис. конца XIX в.)*

не мог найти. Снял с себя штаны, завязал у них концы и давай ими, как мешками, уголь таскать. Нагрёбёт углей целые штаны, взвалит себе на плечи и прёт. Перепрел весь, перемазался, как чёрт, а всё устали не знает.

Долго бы он пропутешествовал от одного котла к другому, да Николай Чудотворец помешал. Только в сотый раз он высыпал уголь и идёт, чтобы опять насыпать штаны, а Никола ему навстречу.

– Ты что это, чадо, делаешь? – спрашивает он у мужика.

– Да вот, святитель, упал, штаны перемарал и боюсь, что жена бранить будет, так ищу воды, где бы их вымыть.

– Ступай, – говорит святой Никола, – домой да мой свои штаны и себя, только не водой, а своими горячими слезами. Успеешь вымыть, пока масло горит в лампадке, так больше не придётся тебе пачкаться. Груда угля, что ты наносил под женин котёл, вся исчезнет, а масла в лампадку, которое ты вымакал, ей снова подольётся, потому что на твоих штанах всё-таки останутся пятнышки, так ей надо будет домыть их.

Вот что узнал Фалалей про своё будущее.

(Легенда записана в Череповецком уезде в 1905 году.)

БЕЛОРИЗЦЫ

В давние времена напал на Вологду Шемяка¹. Пришёл он с большим воинством и стал зорить² город и побивать жителей. Но вот в одну ночь явились в город два неизвестных человека в белой одежде, напали на врагов и, побив их множество, заставили бежать в страхе и ужасе. Событие это было сообщено горожанам поутру городской стражей. Вологодские жители бросились искать своих избавителей, долго искали их и наконец нашли два трупа в белых ризах, лежащие под

---

¹ *Шемяка* – Дмитрий Юрьевич Шемяка (1420–1453), князь Галицкий, великий князь Московский (1446–1447); внук Дмитрия Донского и участник борьбы между его потомками за Московский стол; в ходе этой борьбы нападал на Вологду неоднократно; события, описанные в легенде о белоризцах, могут быть отнесены к 1448–1450 гг.

² *Зорить* – грабить, разорять.

Рис. В. Карпузенко (фрагмент)

сосною подле города невядалеке от Введенской церкви (ныне упразднённой).

Стража в трупах этих признала чудесных защитников города.

Не зная, кто были эти люди, вологжане назвали их «белоризцами» и погребли на том месте, где их нашли, и затем начали служить над могилами панихиды.

Впоследствии подле этого места стали делать так называемые «убогие дома», глубоко вырытые в земле ямы с небольшим отверстием, в которые опускались тела убитых, утопленников, самоубийц и т. п. В течение года, а именно от семика (четверг седьмой недели по Пасхе) до семика, клали в такой убогий дом всех умерших неестественной смертью в течение года, а для будущего приготавлился новый убогий дом. В семик был ежегодно крестный ход из собора или же из Введенской церкви к убогому дому, где совершалась общая

панихида над белоризцами и погребёнными в тот год трупами, после чего яма окончательно засыпалась землёю. На этом же месте и в этот день с незапамятных времён началось гулянье и было известно под названием «гулянье на поляны».

По воспрещении правительством трогать и хоронить мёртвые тела без освидетельствования начальством крестный ход прекратился, но панихиды по белоризцам и гулянье продолжались ещё до позднейших времён.

(Текст легенды был впервые напечатан в 1890 году вологодским краеведом И. К. Степановским.)

ОБ ОСНОВАНИИ СПАСО-КАМЕННОГО МОНАСТЫРЯ НА КУБЕНСКОМ ОЗЕРЕ

Белозерский князь Глеб Василькович, внук Константина Всеволодовича, князя Ростовского, имевший в своем владении, кроме Белозерска, Вологду и Устюг, предпринял около 1260 года путешествие из Белозерска к Устюгу на судах и поплыл рекою Порозовицею, впадающею в Кубенское озеро, чтобы отсюда пройти в реку Сухону, на которой находится Устюг.

Доплыв до Кубенского озера, князь принуждён был непогодой простоять десять дней в устье Порозовицы близ церкви Антония Великого, где после была Антониева мужская пустыня¹. Когда ветер несколько утих, князь пустился в озеро и доплыл до самого глубокого и каменистого места, называемого Карачёвскою пучиною. В это время поднялась от запада страшная буря с молнией и громом, так что княжеские суда были близки к потоплению. При виде такой опасности князь и спутники его стали молиться Всемилостивому Спасу и дали обет: где и в какой день пристанут к берегу, на том месте соорудить церковь во имя празднуемого в тот день святого и устроить обитель.

И вот, по благословению Божию, в 6-й день августа, в праздник Преображения Господня, суда княжеские принесены были бурей на средину озера к острову, называемому Каменным. Вышед на берег,

---

¹ Мужская пустыня – мужской монастырь.

ВНДЪ ДРЕВНАГО СПАСОКЛЯМЕННОГО НА КУБЕНСКОМЪ ОЗЕРѢ МОНАСТЫРА.

Гравёр Е. Панфиловский. Литография

князь нашёл на острове пустынножительствовавших старцев, числом до 23, которые уже много годов подвизались¹ здесь, занимаясь обращением в христианскую веру чудских и корельских языческих племён. Благочестивый князь, приписывая особенному промыслу Божию своё пришествие к этому острову, решил тут же исполнить данный им обет Господу. Немедленно повелел он воздвигнуть здесь деревянную церковь во имя Преображения Господня.

(Текст легенды был впервые напечатан в 1890 году вологодским краеведом И. К. Степановским.)

¹ Подвизались – усердно служили Богу.

ПРЕДАНИЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ НАСОН-ГОРОД¹

Едет царь Иван Васильевич в Вологду. Рано утром подъезжает он к городу, видит: все спят. «Ну, – думает, – ещё рано, отъеду пока что», – и отъезжает. Приезжает в полдень – опять застаёт весь город спящим. Опять поворачивает Грозный назад. Въезжает в третий раз, – это уже вечером, – но опять та же история!

Разгневался царь на Вологду: «Что за городишко несчастный! Когда ни приедешь, – всё на сон!»

С тех пор и прозвище городу дано было Насон.

*Портрет Ивана Грозного
из фондов ВГИАХМЗ*

*(Предание было опубликовано в
1903 году.)*

---

¹ *Насон-город* – в летописи название города объясняется следующим образом: «...заложен град месяца апреля в 28, на память святых апостолов Ассона и Сосипатра. Нецыи же глаголют, якобы и наречен бысть град во имя апостола Ассона».

О ПОСЕЩЕНИИ ИВАНОМ ГРОЗНЫМ СОФИЙСКОГО СОБОРА В ВОЛОГДЕ

Иван Васильевич Грозный хотел Вологду сделать столицей¹. Ему всё мерещилась измена. Он уже переехал туда. Стены были дубовые. Он построил собор, и стали святить его. Явилось всё духовенство. Царю сделали место у правого клироса². Он стал, а кирпич свалился и в ноги ему упал. Он разозлился и всех разогнал. Церковь была не освящена до Александра Первого³.

(Текст предания был записан в 1957 году.)

ПРОКЛЯТИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

(Историческая песня)

Что на славной реке Вологде,
Во Насоне было городе,
Где доселе, было, Грозный царь
Основать хотел престольный град,
Для своо ли для величества
И для царского могущества;
Укрепил стеной град каменный
Со высокими со башнями,
С неприступными бойницами.
Посреди он града церковь склал,
Церковь лепую⁴, соборную,
Что во имя Божьей Матери,
Её честного Успения;

---

¹ ...Грозный хотел Вологду сделать столицей – намерение Ивана Грозного перенести столицу из Москвы в Вологду сохранившимися историческими документами не подтверждается.

² Клирос – возвышение для певчих в соборе перед иконостасом.

³ ...до Александра Первого – император Александр I Павлович правил в 1801–1825 гг.

⁴ Лепая – красивая.

Образец он взял с Московского,
Со собору со Успенского.
Стены храма поднимались –
Христиане утешались.
Уж как стали после свод сводить,
Тута царь сам не коснел¹ ходить;
Надзирал он над наёмники,
Чтобы Божий крепче клали храм,
Не жалели б плинфы² красныя
И той извести горючия.
Когда царь о том кручинился,
В храме новом похаживал,
Как из свода туповатого
Упадала плинфа красная,
Попадала ему в голову,

А. Брягин. Иван Грозный на постройке флота в Вологде (1945)

¹ ...не коснел – не ленился.

² Плинфа – широкий и плоский обожжённый кирпич.

Во головушку во буйную,
В мудру голову во царскую.
Как наш Грозный царь прогневался,
Взволновалась во всех жилах кровь,
Закипела молодецка грудь,
Ретиво сердце взъярилося;
Выходил из храма нового,
Он садился на добра коня,
Уезжал он в каменну Москву,
Насон-город проклинаячи
И с рекою славной Вологдой.
От того проклятья царского
Мать-сыра земля тряхнулася,
И в Насон-граде гористоем
Стали блата быть топучие,
Река быстра, славна Вологда
Стала быть рекой стоячею,
Водой мутною, вонючею,
И покрытая всё тиною,
Скверной зеленью со плесенью.

(Песня была опубликована в 1842 году по рукописи вологодского краеведа В. И. Савваитова.)

Иван Грозный. Рис. С. Эйзенштейна (1-я пол. 1940-х гг.)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ СЕЛА ГОВОРОВО¹

После посещения Иваном Грозным Софийского собора, когда нечто «отторгнуся от свода и пад государю и повреди главу», лишился Иван Грозный дара речи и пошёл куда глаза глядят. Кругом стоял тёмный лес. Неожиданно он наткнулся на сторожку, из которой вышел лесник. Царь пришёл в изумление и заговорил. И повелел государь основать здесь село и назвать его в честь такого удивительного события Говорово.

(Текст предания был записан в 1999 году.)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ ДЕРЕВНИ БЛУДНОВО²

Старопрежде-то всё был лес кругом. Вот и пошёл один мужик искать, где бы поля-то были хорошие. Он ушёл, да и заблудился.

Вышел он на этот бугор, да и остановился. И назвали деревню Блудново, вот поцему Блудновым и назвали.

(Предание записано в 1969 году в деревне Блудново Никольского района.)

Александр Яковлевич

ЯШИН

(1913–1968)

Об авторе. Поэт, прозаик, журналист. Настоящая фамилия – Попов.

Родился в деревне Блудново Никольского уезда, в крестьянской семье. С 1928 года начал

¹ Село Говорово – специалисты-языковеды считают, что название села образовано от прозвища его основателя или владельца – Говор.

² Блудново – по предположению учёных, название этой деревни восходит к имени-прозвищу Блудня (так называли человека, не любящего трудиться, тунеядца).

печататься в николевских и великоустюжских газетах. Был сотрудником областной газеты «Красный Север». В 1934 году в Архангельске вышел первый сборник его стихов «Песни Северу». Жил и работал в Архангельске и в Москве. Участвовал в Великой Отечественной войне. Автор повестей «Вологодская свадьба», «Сирота», циклов рассказов «Сладкий остров» и «Вместе с Пришвиным», поэтических сборников «Совесть», «Босиком по земле», «День творенья».

ДЕРЕВНЯ БЛУДНОВО

Хвойными иглами занесло
Заблудившееся село.

Зашёл охотник в бор глухой
И заблудился
И решил,
Что это леший-лесовой
Его в сузёмах¹ закружил

И водит – старая лиса.
Но в хвое парень увидал –
Мелькает девичья коса,
А не седая борода.

То опереньем косача²,
То светом вспыхнет впереди,
Иль щёку тронет, щекоча...
Не страх – огонь растёт в груди.

Бродил охотник целый день,
Устал, а нет назад пути,
Ни рысь, ни северный олень
Не помогли тропы найти.

---

¹ *Сузём* – дремучий бездорожный лес.

² *Косач* – тетерев.

Куда ни кинется – обман:
Всё та же грива¹, речка, бор,
Налево – зыбуны², туман,
Направо – синий свет озёр.

И под конец, когда устал, –
Прилёт, разжёт костер.
И вдруг
Лесной царевны услышал
Лукавый голос:
– Слушай!.. Друг!..

А у неё коса до пят,
В кокошнике³ лучи горят,
Узорный – в ёлочку – наряд
И озорной девичий взгляд...

– Послушай, что тебе скажу:
Здесь я одна – и власть и суд,
Не леший – я тебя вожу,
Останься жить в моём лесу.

Войди в сузём под мой навес.
В труппе человека нет,
А без него и лес – не лес,
Без человека свет – не свет.

Как быть?
А жар растёт в груди... А день к концу...
И поутру
Медведь венчал, сохач⁴ кадил,
И пир гремел во всём бору.

*К. Маковский. Царевна
(конец XIX в.)*

¹ *Грива* – лесистая продолговатая возвышенность.

² *Зыбун* – трясины.

³ *Кокошник* – женский головной убор с высоким расшитым щитком.

⁴ *Сохач* – лось.

Так на царевне на лесной
Женился мой земляк,
И вот,
Где раньше был сосняк сплошной,
Рожь колосится, лён цветёт;

Где он блуждал и жёг смольё
И меж корней ложился спать –
Деревня выросла.
Её
Блудновым люди стали звать.

Друзьям у нас в дому почёт,
Для недругов закрыта дверь.
А в жилах наших и теперь
Лесной царевны кровь течёт.

1944. Деревня Блудново Вологодской области

ПРО ПЕТРА ПЕРВОГО

Ой, да как из реки, реки, реки Сухоны
В пору давнюю, старопрежнюю,
Ой, да выходили струги¹, струги быстрые,
Белопарусные да снаряжённые,
Ой, да будто лебеди да полногрудые.
Ой, да плыли струги те вдоль по озеру,
Вдоль по славному да по Кубинскому.
Ой, да на парусном стружке да на беседочке¹
Сидел царь-государь да Пётр Лексеевич.
Ой, да позади-то его Саша Меншиков,
Ой, да разудалая буйная головушка.

---

¹ *Струг* – парусно-гребное плоскодонное судно.

² *Беседочка* – скамеечка.

*В. Карпузенко. «Фортуна» российского флота,
или Утро Империи (фрагмент)*

Ой, да показалось Петру свет Лексеевичу
Ой, да наше озеро мелкой лужицей¹.
И на тех на стружках на снаряженных
Ой, да со своими елугами, со дружиною
Покатил государь к морю Белому,
Ой, да корабли снастить океанские.

(Песня записана в середине XX века в Тотемском районе.)

---

¹ ...показалось Петру свет Лексеевичу Ой, да наше озеро мелкой лужицей. – Пётр I действительно хотел создать на Кубенском озере базу для подготовки русских моряков, однако оно оказалось слишком мелким для больших кораблей.

ЛОСЬ-КАМЕНЬ, ИЛИ ПЁТР ПЕРВЫЙ В ТОТЬМЕ

Пётр Первый проезжал, путешествовал на парусной лодке, ну, там со свитой своей. И они ехали с Архангельска и поднимались всё по этой по Двине. Потом (Сухона в Двину впадает) они по Сухоне поехали.

Ну вот, они доезжают... Тотьмы не было такого города, как сейчас существует, а была ниже она, Тотьма, километров примерно семь-восемь ниже, на старом месте. Ну вот они ехали, а там дремучий лес кругом этой реки.

Вот ехали. Ну, пообедать надо где. А там на середине реки большущий камень стоит, примерно как порядочный дом. Весной река эта поднимается метров на шесть – на восемь, и этот камень ещё видно весной даже, частью видно. Ну, а они ехали летом – река сбыла, дак большущий камень. Там и обедали со своей всей свитой.

И. Никитин. Портрет Петра I
(первая половина 1720-х гг.)

Пообедали, Пётр посмотрел:

– Какая, – говорит, – тут тьма!..

Ну, после этого и создалось, что название Тотьма селению присвоили¹. И перенесли селение вверх на семь километров, разрослась эта Тотьма.

И дальше он поехал путешествовать, всё на своей лодочке, из Архангельска и в Вологду, от Вологды поехал дальше, по каналу, и туда всё до места, до Петербурга, всё на лодке на парусной.

(Текст предания был записан в Вытегорском районе в 1971 году.)

¹ ...название Тотьма селению присвоили – это название имеет финно-угорское происхождение, в переводе на русский язык оно значит «топкая земля».

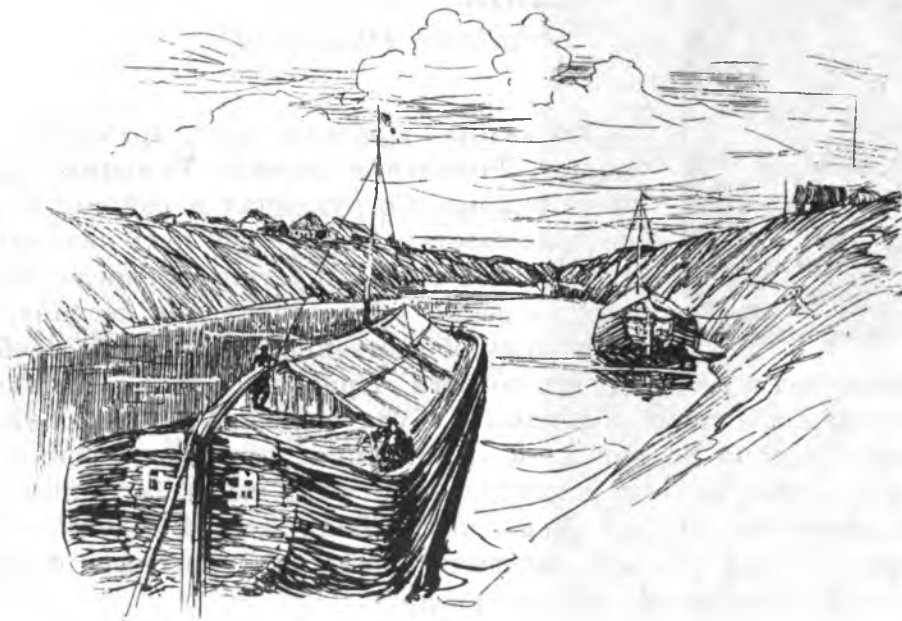
КАК ПЁТР ВЕЛИКИЙ ЗАДУМАЛ УСТРОИТЬ МАРИИНСКУЮ СИСТЕМУ¹

Другожды Пётр Первый имел приезд при деревне Шестовой, через Вянги-ручей; ехал он в Архангельск; почтовая дорога тут пролежала и теперь виднеет. Крестьяна из окольных мест собрались во множестве, видимо-невидимо, на горе, верста будет от деревни; день был гулярный. Наместный староста с выборными навстречу вышли с хлебом-солью, как водится, по русскому обычаю. Выступил Пётр Первый из коляски; росту он высокого, ученья великого; хлеб-соль принял и с крестьянами разговор держит:

– Каково да вы крестьяна поживаете и да какой же у вас промысел есть?

Тут крестьяна пословечно² ему стали высказывать:

– Близ четырёх вёрст ниже сего места есть, надёжа-государь, пристань Вянгинская. С Бадог гужом³ хлеб сюда возим, что идёт снизу реками Вол-

Канал Мариинской системы (рис. конца XIX века)

¹ *Мариинская система* – водный путь, соединяющий Волгу с Балтийским морем.

² *Пословечно* – послушно.

³ *Гужом* – на подводах.

гою, Шексною, Белым озером и Ковжею. С Бадог до Вянг на судах ехать не можно, вода не сошлась вёрст на пять, а дале на Вянге быстрина, пороги до пристани. Да строим ещё, государь, корабли мореходные, гальёты¹, водовики² и соймы³, и с Вянг ходим мы шкиперами по Онегу, и по Свири, и по Ладожскому, для себя и с найму⁴, и справляем хлеб на Пудогу и Повенец, а больше в реку Свирь и дале, в окольные селения.

Приудумался Пётр Первый, головой потряхивает и видит: живут тут люди не слепцы, не по канату ходят, народ сметливой, работной. Заложил себе это слово на ум и поехал дале. С тех пор эта гора зовётся Беседная гора, и на той горе – часовня, и молебствие бывает каждодогне в день сошествия Святого Духа.

(Текст предания был опубликован в 1872 году.)

**Василий Иванович
БЕЛОВ**

(родился в 1932 году)

Об авторе. Прозаик, поэт, драматург, публицист. Родился в деревне Тимонихе Харовского района. Сотрудничал в районных и областных газетах. Творческий путь начинал как поэт, в 1961 году выпустил в Вологде сборник стихотворений «Деревенька моя лесная». Значительным общественно-литературным событием стал выход в 1966 году его повести «Привычное дело». Им написаны рассказы «За тремя волоками», «Гудят провода», «Скакал казак», повести «Деревня Бердяйка» и «Плотницкие рассказы», роман «Всё впереди», трилогия о коллективизации «Час шестый», книга очерков о народной культуре «Лад», пьесы «Над светлой водой», «Князь Александр Невский», произведения для детей («Рассказы о всякой живности», повесть «Каникулы») и др.

¹ Гальёт – галиот, двухмачтовое парусное судно с неглубокой осадкой.

² Водовик – небольшое судно для подвоза воды к крупным кораблям.

³ Сойма – одномачтовое грузовое судно.

⁴ С найму – по найму.

ОТКУДА ПОШЛИ ЖАВОРОНКИ

(Из рассказа «Поющие камни»)

Жил, значит, на этом берегу мужик молодой, жил, да землю пахал, да подсеки¹ рубил, ячмень сеял. А лес тут был тогда не чета нашему, деревья росли в два обхвата. Так и жил здешний мужик, никого не обижал и сам никого не боялся; была у него и жена молодая, сидит в избе да куделю прядёт, пока мужик работает. Хорошая была жена, тоже работница.

Вот весной о такую пору выехал пахарь на поле, соху в землю воткнул, прошёл раз, другой, пот утирает. А под сохой только камень скыркает, соха выскакивает, того и гляди зубы вышибет. Много было камня, камень на камне. Шаг ступишь – соха чирк, – и опять борозда испохаблена. Умаялся пахарь, сел на это самое место. Вдруг из лесу вышла царевна лесная, вышла, да и стоит. Глаза будто заводи, коса до колен, руки белые, кокошник в золотой паутине, травинки первые к ней так и тянутся.

– Полюби, – говорит, – меня, молодец. Аль нехороша я кажусь тебе, пахарь?

Встал он у сохи, глядит, на такое диво дивится, да и говорит:

– Как нехороша, хороша! Только не дело, милая, не к тому я тут приставлен, чтобы глядеть в такие очи. Земля сохнет, камня много, солнышко ниже катится, меня не дожидается.

Пошёл за сохой, землю отваливает, а соха чирк – опять на камень наскочила. Глядит на пахаря лесная царевна, слёзы росой катятся.

– Не полюбишь? – говорит.

– Нет, милая, не мужицкое это дело, от своей жены на сторону.

В. Суриков. Царевна (1911)

¹ Подсека – расчищенное для пашни место в лесу.

– Ну, коли так, скажи, пахарь, что тебе за верность твою мужскую сделать?

– Ничего, – говорит, – мне не надо, красавица, спасибо на добром слове.

Взяла она камень с полосы, обмыла слезами своими, обтёрла мягкой косой, подала ему да и говорит:

– Кинь, молодец, этот камень повыше, в синее небо, да гляди зорче, как он летит.

Размахнулся пахарь, кинул, а камень-то обернулся весёлым жаворонком, замахал крылышками и запел взахлёб. И вот тогда со всего поля поднялись камушки в небо, забулькали вешней водой, и стала пашня без единого камня, легла под сохой чёрным пухом. Оглянулся пахарь, глядит, а царевны-то и нет, только воздух дрожит на том месте.

Вот, брат, откуда пошла весёлая птица жаворонок! С той поры и поёт каждую весну. Только проходил этим полем один раз вельможа с ружьём и начал стрелять жаворонков для своей забавы, и на голову ему посыпался каменный град, каждая градина по кулаку. С той поры опять в поле стало много камушков.

**Елена Степановна
ТРИНОВА**
(1916–2005)

Об авторе. Кинодраматург, детская писательница. Настоящая фамилия – Трифонова. Родилась на станции Бакланка Грязовецкого района. Жила в Череповце и в Вологде. Окончила биологический и филологический факультеты Ленинградского университета. Во время войны была фельдшером полевого госпиталя. Работала на киностудии «Леннаучфильм» редактором и сценаристом. В 1974 году в ленинградском отделении издательства «Детская литература» вышла её книга «Кружевные сказки», впоследствии переизданная в Архангельске. Она также автор книги «Дом сказки».

ОТКУДА КРУЖЕВА ПОШЛИ

Оказывается, не всё ещё на свете придумано. Было время, когда кружева плести не умели. Почему не умели? Да просто это никому не приходило в голову. А вот как всё началось.

Жили в селении на берегу Кубенского озера лесорубы-сплавщики. Трудились они как одна большая семья: вместе лес рубили и сплавляли, вместе сети вязали, рыбу ловили. Вечерами из дерева ложки да поварёшки резали, берёзовые туески¹ на продажу мастерили.

Жили дружно. Ни споров, ни раздоров не знали. А ведь у каждого полная изба ребятишек – всех прокормить надо! И всё сынки, а дочери – ни одной. Лесорубы посмеивались, а жёны досадовали: у мужей помощников хоть пруд пруди, а кто им, хозяйкам, помогать станет? Дел по дому много, а рук всего две. Как тут управиться!

Рис. А. Якобсон

---

¹ Туесок – берестяной сосуд цилиндрической формы с крышкой.

Вот и стали жёны лесорубов просить-молить озеро Кубенское:

– Море-озеро, ты как отец родной: нас кормишь, поишь, одеваешь. Просим тебя ещё об одной милости. Подари нам пучок девичьей травы, чтобы у нас дочки родились. Ты одно знаешь, где она растёт!..

У озера в это время была своя забота.

Откуда ни возмись, на его волнах появилась махонькая девчонка-несмышлёнка. Так годков вроде трёх, а может, и поболее. Верно, отец с матерью утонули, а дитя горя не ведаёт, ему всё нипочём! Плавает не хуже любой рыбы, пенными узорами забавляется.

Рассердилось море-озеро: это что за непорядок такой! Человек должен с людьми жить, а не с рыбами!

Закипело море-озеро от гнева, обернулось грозной бурейю.

Ф. Львов. Буря на озере (середина XIX в.)

А когда гнев поутих и буря малость поулеглась, взглянуло оно на волны, а там как ни в чём не бывало девчонка-несмышлёнка плавает, рукой волны поглаживает да ласково приговаривает:

– Батюшка-озеро, не серчай! Батюшка-озеро, не серчай!..

От этих слов гнев у озера как рукой сняло! Оно даже рассмеялось от радости, что несмышлёнка жива осталась. Вот шустрая девчонка! Подумать только – бури не испугалась!

– Ну ладно, доченька, – пророкотало озеро. – Спасибо за ласку. Только всё равно тебе жить с рыбами не годится...

И стало оно думу думать, как бы к кому названую дочку пристроить. Как раз тогда жёны лесорубов к нему с просьбой и пожаловали.

Обрадовалось Кубенское озеро, достало из тайной кладовой пучок волшебной девичьей травы, вложило её в руку девчонки-несмышлёнки да и говорит:

– Кому ты отдашь траву – та и будет твоей матушкой. А я уж о тебе позабочусь.

Выплеснуло озеро несмышлёнку на берег, прямёхонько на плот, где женщины бельё полоскали.

Окружили её жёны лесорубов, а она к каждой из них ластится, протягивает пучок девичьей травы и лепечет:

– Матушка, матушка, это тебе море-озеро прислало...

Поклонились женщины озеру – за подарок поблагодарили. А судьбу девочки так порешили:

– Пусть она для каждой из нас станет дочкой. Назовём её в честь озера Кубеной.

Вот и стала Кубена жить в семье, как все дети. Только у неё была не одна мать и не один отец, а десяток, а братьев даже за сотню перевалило! Жила она в каждом доме по очереди. И все наперебой старались её чем-нибудь порадовать: кто зверюшку из дерева вырежет, кто туесок смастерит.

Да и море-озеро её не забывало. То берег травой длинной да шёлковой устелет, то ворох смешных палочек принесёт, то разноцветные камешки выплеснет.

Незаметно год пробежал. Теперь в каждой избе в люльке дочка качалась. Жёны лесорубов в один голос твердили:

– Это Кубена нам счастье принесла!

А Кубена росла и росла потихоньку. И до того стала смышлёной, что все диву давались. Каждый день другим глаза на что-нибудь открывала.

Взглянет, бывало, на закат солнца. Для всех он закат как закат. Она же скажет:

– Взгляните, братики, на небо! Вон розовые птицы летят – торопятся, а синий паук их догоняет...

Засмеются братья: и верно, похоже! Или принесёт домой пучок листьев и весело закричит с порога:

– Смотрите, сколько у листьев зубчиков – и все разные! Эти как иголки, эти как пальчики, а эти – крутой лесенкой.

И снова братья удивляются, почему они сами не заметили. Да когда примечать-то! День-деньской лес рубят, отцам помогают. До того ли!

А Кубена всё одна да одна: каждую травинку заметит, каждую букашку разглядит. Никому никогда не докучала. Сама себе игры придумывала.

Особенно одну игру полюбила. Привяжет озёрные травинки к колышку и ну их сплетать-заплетать.

Вот сложились травинки в разные клеточки, будто сплелись сети, что рыбу ловят.

Перегородила клеточку травинкой – мостик получился.

Протянула травинки из угла в угол – вышла звёздочка!

Но тут зима наступила. Озеро льдом сковало. Трава скрылась под снегом.

Загрустила было Кубена. Братья увидели это и говорят ей:

– Не горюй! Придумаем что-нибудь...

Пошептались они друг с другом, с матерями посоветовались. На заре смастерили небольшие деревянные козелки¹, полный туесок палочек-коклюшек² настрогали, целую плоску иголок наточили. Матери положили на козелки круглую подушечку с опилками и из каждого дома принесли ей по мотку льняных ниток. Сказали Кубене:

– Складывай свои узоры, сколь душа пожелает. Теперь зима тебе – не помеха.

Запрыгала Кубена от радости, принялась всех обнимать да целовать.

---

¹ Козелки – подставка для подушки, набитой опилками или шелухой от овса.

² Коклюшки – точёные палочки для наматывания на них ниток.

Потом села за козелки, нитки на коклюшки намотала, на подушечке иглами узор наметила и стала нитки вокруг них кружить-закручивать, туда-сюда коклюшки перекидывать.

Две нитки сложит – плетешок вьётся.

Четыре нитки кладёт – получается клеточка.

Восемь пойдут в ход – выходит звёздочка.

Коклюшками узор складывать куда сподручнее! Не то что травинками. Ветер с ними игры не затеет, с собой не унесёт.

И Кубена знай себе добавляет и добавляет коклюшки. Теперь уж не восемь ниток, а восемь десятков вокруг иглол крутятся-закручиваются. И узор всё затейливее, всё краше.

Д. Тутунджан. Плететя (1965)

Вот деревья с листочками. Цветы, пчёлы и бабочки. В речке утки с утятами. Из трубы дымок вьётся. На заборе петух кукарекает.

Глянули жёны рыбаков на нитяные узоры, только руками всплеснули.

– Это же не игра вовсе, а работа, да ещё какая мудрёная! Никто из нас в толк не возьмёт. Ай да Кубена! Ай да разумница! Одна, своей головой, придумала нитки вокруг иголок крутить-закручивать, кружево смастерила!

Незаметно десять лет пробежало.

Привезли как-то лесорубы кружево вместе с берёзовыми туесками на базар продавать. И вот диво – колокол на соборе сам собой зазвонил, весь город сбежался, чтобы на кружево поглазеть. Купцы лавки закрыли, а люди простые не ели, не пили – всё глядели да ахали. Купцы же невиданный товар друг у друга отбирали – ни серебра, ни золота не жалели.

И до того купцы раззадорились, что всем скопом отправились к лесорубам, чтоб на кружевницу да её мастерство своими глазами поглядеть.

А как глянули на Кубену – так и замерли. Не девочка, а красное солнышко! Красота её глаз радует, сердце в полон захватывает.

Покатили купцы в столицу, отвезли кружево царю и царице. Те любят им – налюбоваться не могут, перед заморскими гостями хвалятся. Просят купцов ещё и ещё о красоте Кубены пересказывать. Тут царевич и говорит:

– Привезу Кубену и женюсь на ней. Пусть только подрастёт ещё годок-другой.

И царь с царицей не стали с ним спорить – отговаривать.

Царевич-то решил подождать, а вот злобный хан Шограш, из соседнего царства-государства, ждать не стал.

Напал он на село лесорубов, велел всех от мала до велика связать да в проруби утопить.

Но тут он Кубену увидел. Красота её была, как разящий меч.

Сразила она Шограша наповал. Спрашивает он девушку:

– Пойдёшь за меня замуж доброй волею?

Кубена отвечает:

– Прежде отпусти отца с матерью и всех моих братьев и сестёр.

Шограш пообещал:

– Даю моё ханское слово, что отец с матерью, все твои братья и сёстры будут отпущены.

Но тут прибежали его слуги и донесли:

– Ваше ханское величество, все лесорубы для Кубены – одна семья, она для каждого из них – дочка.

Рассердился хан и от обещания отказался:

– Обманула ты меня, Кубена... – говорит. – Тебя за это стоило бы вместе со всеми в озере утопить...

А Кубена ему в ответ:

– У тебя жён ещё больше, чем у меня родных. Позволь, я для каждой из них шарф сплету, какой они и не видывали.

Хан согласился:

– Сплети. Только чтоб узор на каждом был разный. Не то вся твоя семья – и ты вместе с ними – будете в проруби...

С. Иванов. Баскаки (Сборщики дани. 1909)

Села Кубена за работу. Двести шарфов сплела. Узоры на каждом – разные. Как ни вертели, ни крутили их ханские слуги, как сам Шограш ни искал, к чему бы придраться, – ничего не нашли. Тогда хан Шограш и говорит:

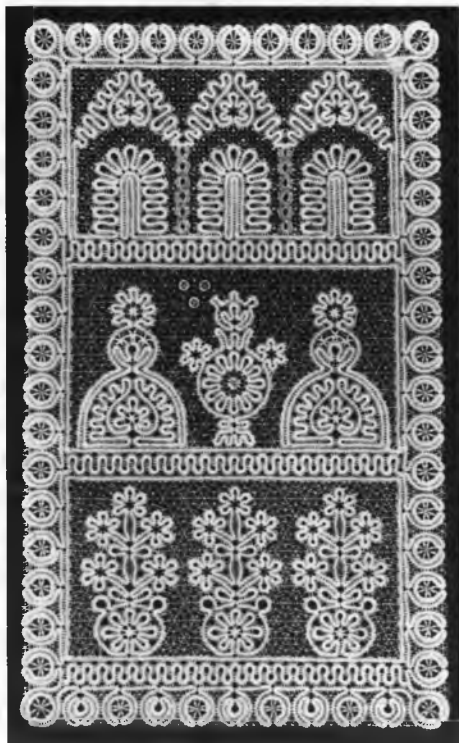
– Ну, ладно! Кружева ты плести великая мастерица, слово своё ты сдержала. И я своё сдержу – всем твоим родным жизнь дарю. Тебя же возьму себе в жёны!

Оттащили лесорубов слуги от проруби, разрезали на них верёвки, а Кубену приготовились в ковёр завернуть, чтобы с собой увезти.

Но тут на небо вышло жгучее весеннее солнце. Лёд на озере мигом на дно ушёл. Могучий ветер поднял волны высотой с гору и погнал их на берег.

Ещё миг – и всё селение скрылось под водою.

Но вода тут же отхлынула обратно в озеро.

М. Пальникова.

Панно «У Лукоморья» (1999)

На берегу Кубена и лесорубы с семьями сидят целёхоньки, здоровёхоньки, как ни в чём не бывало!

А хана Шограша, его войска, его слуг и след простыл. То ли их ветер унёс, то ли озеро поглотило...

Можно было подумать, что всё это приснилось-привиделось, если бы у ног Кубены не лежали двести кружевных шарфов, что она по ханскому приказу сплела.

На радостях Кубена каждой матери и сестре по шарфу подарила. Да ещё много шарфов и на продажу осталось.

Научила Кубена своих младших сестёр кружева плести. Вскоре каждая мастерицей стала. Потом, выйдя замуж, сёстры по другим селениям разъехались – там кружевному делу многих обучили.

И каждая кружевница свои узоры придумывает, Кубену добрым словом поминает.

БЫЛИЧКИ

КАК ДЕВКИ НА БЕСЕДЕ СИДЕЛИ

Была деревня большая; в этой деревне много девок было. А их на беседу¹ никто не пускает. Они взяли выстроили избу у озера. Ходят вечер, другой и третий – никто из парней к ним на беседу не идёт. Вот они промеж собой толкуют:

– Хошь бы кто из озера пришёл на беседу!

Вот с вечера прикатило ребят к им партия человек в двадцать – все здобные² такие, с тальянками³, при часах, в калошах, – ну и давай поигрывать с девками. А у одной у девки была принесена девочка маленькая лет 5–6. Та сидела на печке и всё смотрела. Ну и стала звать эту девку:

– Нянька, иди сюда-то!

Девка к ней подошла. Она и указывает:

– Гляди-ко, нянюшка, глаза-то какие у них вдоль лица и зубы, как железные.

– Ой! Как бы нам отсюда уйти?

– А вот как: я буду проситься до ветру, а ты выведешь меня. В то время и уйдём.

Ну, маленько посидели; эта девчоночка и запросилась до ветру, а ребята не отпускают этой девки идти с ней.

Рис. Т. Волковой

¹ *Беседа* – деревенские посиделки.

² *Здобный* – здоровый, ладный, видный.

³ *Тальянка* – однорядная гармоника.

А. Корзухин. Крестьянские девочки в лесу (1878)

– Что вы, – говорит она, – отпустите! Прищемите мне хоть сарафан в дверях, никуда я не уйду.

Вот они взяли выпустили её, прищемивши подол в дверях, а она сейчас лямки скинула с плеч, ребёнка на плечи и бегом в баню. Вбежала в баню и говорит:

– Господин хозяин, оборони от напрасной смерти!

Сама скакнула на полок.

Вот в то время хозяин бани¹ выскочил из-под полка драться с парнем. Дрались, дрались, потом спел певун². Эти оба пропали, а девка в это время домой ушла.

Утром схватились других девок мужики, никого дома нету. Направились туда; пришли на беседу, а там только косьё³ и волосья – больше ничего нету.

(Текст былички записан в Белозерском уезде в начале XX века.)

**Флегонт Арсеньевич
АРСЕНЬЕВ**
(1832–1889)

Об авторе. Писатель и этнограф. Родился в Ярославской губернии. Преподавал русский язык в Вологодском и Усть-Сысольском уездных училищах. Служил в статистическом комитете, был чиновником по крестьянским делам. Редактировал неофициальную часть газеты «Вологодские губернские ведомости». Публиковал очерки и книги краеведческого характера: «Леса Вологодской губернии», «Производство смолы и дёгтя в Кадниковском уезде», «Крестьянские игры и свадьбы в Янгосаре Вологодского уезда», «Пётр Великий в Вологде и на севере Руси» и др. Его книга «Охотничьи рассказы» издавалась дважды (1864, 1885).

¹ Хозяин бани – банник, персонаж народной мифологии.

² Певун – петух.

³ Косьё – ленты.

ЛЕСОВОЙ¹

(Из «Охотничьих рассказов»)

Пошёл один охотник осенью в лес за белками. Долго он ходил по лесным трущобам и урёмам², но не только ничего не убил, но даже никакого зверя, ни дичи не видал. День выдался дождливый, охотника промочило насквозь.

Задумал он вернуться домой и идёт мимо небольшой полянки в самом глухом лесу. Смотрит, а на самой середине полянки стоит лисица, хорошая-расхорошая, и что-то роет лапой.

Остановился мужик, осторожно приловчился винтовкой к деревцу и выстрелил: лисица перекувырнулась – и дух вон. Подбежал охотник к зверю, взял его, притащил под ель, разложил пажок³ и начал сдирать шкуру. Выстрел был чудесный: пуля пробила грудь и в крестце вышла вон. «Славно угодил!» – подумал мужик и повесил шкуру на сучок над огнём, чтобы попровяла, и сам после этого начал закусывать.

Рис. В. Федотова

Поднялся ветер, сперва лёгонькой, а потом скоро перешёл в такую бурю, что сосны заскрипели. Шкура так и раскачивается, так и рвётся с сучка; рвалась, рвалась, соскочила и упала на лисье тельце. Вдруг тельце ожило, шкура вмиг очутилась на нём, и лисица, цела и невредима, потихоньку через полянку ушла в лес.

Сделалось это так скоро, что охотник только успел ахнуть от страха и дива. Лисица ушла, а мужик стоит и дивится да хлопает о полы зипуна.

– Не дивись! – слышит он из лесу голос, – то ли ещё бывает! Спроси-ка, что было с Иваном Голым в деревне Зубариха, на Шоле-реке.

¹ Лесовой – леший.

² Урёма – лиственный лес, растущий в пойме реки.

³ Пажок – пожог, костёр.

Голос замолк; мелкий осенний дождь усилился, и охотник возвратился домой без всякой добычи.

Наступила весна. Мужик этот отправился в отхожий промысел — строить суда на реку Шолу, по найму от хозяина. Живёт он целую весну. Раз и вспомнил он про ту деревню, о которой ему сказано было в лесу. Стал спрашивать — не знает ли кто и не слышал ли о деревне Зубарихе. Рабочие, его товарищи из тех мест, и говорят, что есть такая деревня, в глухих лесах стоит, и дорогу к ней рассказали.

Подошло два сряду праздничных дня, мужик пошёл в Зубариху. Деревня эта стояла в самом заглушье, среди тёмного леса, и была только из нескольких дворов. Нашёл он в Зубарихе Ивана Голого: это был уже пожилой мужик, живший с сыном и невесткою. Разговорились. Охотник наш и спросил, какое на веку с ним диво в лесу случилось, и рассказал ему, в чём дело.

— Да было, — отвечал Голый, — доподлинно диво, только не со мной, а с покойным моим отцом. Назад тому лет тридцать, — говорит, — пошёл отец осенью на охоту за белками. Я остался дома — недосужно¹ было. Ходил он по лесу день, и счастья такого никогда ему не выдавалось: убил до пяти десятков белок, да пар семь рябков, да ещё сколько, не знаю, тетерь, так что целая ноша к вечеру накопилась, едва вмочь носить; к тому же ещё за плечами был с харчами кошель.

Дошёл он к вечеру до лесной избушки и расположился в ней переночевать. Освеживал, развесил шкурки, потом сварил ужин и начал закусывать. А на улице такая темь сделалась той порой, что хоть глаз выколи. Поднялся ветер, пошёл дождь, лес зашумел, затрещал... ну, страсть, одним словом.

Рис. В. Горячёва

¹ Недосужно — некогда.

«Эка погода! – думает отец, – может, иной крещёный в лесу плутает в это время».

Только подумал он это, слышит, к избушке кто-то бежит и охает. Дверь отворилась, и в неё, смотрит, лезет высокий рыжий мужик в армяке и острой меховой шапке.

– Хлеб да соль, – сказал пришелец.

– Садись хлеба кушать, – ответил отец.

– Это хорошо, – говорит рыжий мужик, – есть-то я давно хочу.

Он сел на обрубок перед столом и начал убирать варево за обе щеки. Скоро он съел всё, что было приготовлено отцом, но не насытился.

– Ну, потчуй же, – говорит, – коли пригласил.

Отец вытащил из кошеля каравай и положил на стол. Коврига в минуту исчезла. И тут отец заметил, что у мужика был такой большой рот, что целые ломти уходили в него, не задевая за губы.

– Ну, давай, что ещё у тебя там есть! – говорит мужик.

Отец вытащил всё, что было с собою запасу; тот и это всё съел.

– Ну, давай, – говорит, – ещё!

– Да больше нет ничего, – сказал отец, – вот буде¹ хочешь – ешь белок!

Он и белок съел.

– Ну, давай ещё.

– Да вот, – говорит отец, – если душа вынесет, так собаку ешь.

Мужик схватил собаку и легонько проглотил и её. Отец стоит ни жив ни мёртв.

«Ну, – думает, – съест теперь и меня», – начал про себя читать отходную.

– Давай, – говорит мужик, – что у тебя есть ещё!

– Больше, – говорит отец, – ничего нет.

– Ну, коли ничего нет, так я тебя самого съем, только вот схожу недалёко.

Ушёл и унёс порох и ружьё. Остался отец безо всего. «Бежать, – думает, – догонит...» Осовел, одно слово.

Вдруг слышит, просунул кто-то голову в окно и говорит:

Леший
(бронзовое литьё)

¹ *Буде* – если.

– Беги, добрый человек, как можно скорее. В правой руке, недалёко, есть дорога. По этой дороге сейчас проедет тройка лошадей, ты и скочи на телегу, да крепче держись и смотри – подъедешь ты к трём соснам. У одной сосны сук, самый толстый, будет тянуться над дорогой, так ты обеими руками захватись за него и повисни, а остальное тебе уж самому видно будет.

Отец бросился из избушки и побежал в правую руку. Начал выходить месяц, вывездило, и видно стало всё. Не успел отец отойти и полсотни шагов, смотрит – лежит прямая-препрямая дорога, а по дороге во всю мочь скачет тройка.

Попропустив её немного, отец приловчился, схватил за задок телеги и вскочил в кузов. Лошади пуще прежнего понеслись – летели что ветер, а около дороги всё лесок тянется небольшой.

Сидит отец, крепко держится в телеге. Видит – сосна, там другая, вот и третья, и от неё висит над дорогой толстый-претолстый сук. Поднялся отец, подскочил на телеге и повис на суку. Сотворил молитву – смотрит: он в своей избе висит, обнявши руками воронец¹. Мать ещё не спала – пряла лён, ужас её взял, как увидела, что отец будто с крыши в избу ввалился. Едва разняли мы ему руки, ровно примёрзли к брусу-то.

Ну, недолго же он и жил после того. А ружьё, собака, белки и птицы очутились на сарае.

Вот какое дело было с моим отцом. А спросись он у лесового ночевать, тот и не чудил бы: изба-то эта, надо полагать, была его.

**Павел Гордеевич
ВЕРЕСОВ**
(?– 1916)

Об авторе. Педагог и писатель. Родился в 1850-х гг. в семье крепостного крестьянина в деревне Перекумзь Белозерского уезда. Окончил Новгородскую учительскую школу, был учителем Бубровской сельской школы и заведующим Антушевским двухклассным училищем. Издал поэтические сборники «Капля бла-

¹ Воронец – толстый брус под потолком избы.

га», «Песни сельского учителя», «Подарок», «Сказки, басни и другие стихотворения учителя Павла Вересова», а также прозаические книги «Беседы с детьми...», «Сельские деятели», «Семейный грех: В конце 60-х годов XIX века», «Из тридцатилетней жизни сельского учителя». Он также автор учебной книги «Арифметика».

СИЛА МОЛИТВЫ

В дремучем лесу, над обрывом крутым,
Стоит одиноко сторожка;
Меж камней, заросших бурьяном густым,
К ней вьётся глухая дорожка.

Здесь жил, по преданью, когда-то лесник
Вдвоём со своею подругой.
Жил долго, во всякие дебри проник
И зорко следил за округой.

Он слыл нелюдимом; а в образе сов
(Как в сёлах носилися слухи)
К нему по ночам из дремучих лесов
Слетались нечистые духи.

Порой разразится свирепо гроза,
Завоют мохнатые ели –
Огнём у него заблестают глаза,
Встаёт он с убогой постели.

Трясутся колени, дрожит голова,
Поспешно выходит он в сени,
Кому-то невнятно лопочет слова,
Витают какие-то тени...

*И. Крамской. Полесовщик
(1874)*

Однажды в убогую хату свою
Он поздно пришёл из обхода;
В молчании сел он к столу на скамью;
А в окна стучит непогода.

Старуха-хозяйка за пряжею льна
Дремала на лавке за печью.
«Я скоро умру... Не пугайся, жена, –
Он к ней обращается с речью, –

Но только сама не решайся умыть
Моё посиневшее тело...
Сходи за людьми, чтобы худу не быть;
Не сходишь – ужасное дело...»

Он тяжело вздохнул и невольно умолк,
Упал, а глаза помертвели...
Под окнами буря завывала, как волк;
Как змеи, леса зашипели.

Рис. Г. Польшаева

Старуха трепещет – страх в душу проник,
И думает грустную думу:
«Сходить за людьми завещал мне лесник –
Боюсь осеннего шуму...

Куда же пойду, коль не видно ни зги?
Сама понемногу устрою...
Царица Небесная, мне помоги!
Умою, холстиной покрою...»

На лавку она подстлала сенца,
Покрыла какой-то ветошкой,
И ложе готово: кладёт мертвеца...
Вдруг кто-то мяукает кошкой.

Затеплить свечу непослушной рукой
Старуха спешит хлопотливо
И шепчет: «Раба Твоего упокой», –
И смотрит кругом боязливо.

В ночной темноте свирепеет гроза;
Мертвец шевелится на ложе...
Зелёным огнем загорелись глаза,
И с лавки встает он. «О Боже!

Святые угодники, будьте со мной!
Спасите меня от напасти! –
Взмолилась. – Не знаю молитвы иной,
Избавьте от адовой пасти!»

Вдруг дверь отворилась... И свет просиял...
Вошли в облаченьях церковных
Священник и дьякон. И трепет объял
Умершего в путах греховных.

И буря умолкла в густой темноте –
Исчезла нечистая сила.

«А кто вы такие?». – «Мы самые те,
Кого ты в молитвах просила». –

«Побудьте со мною, святые отцы!» –
«Не бойся, вернёмся мы вскоре...
А ныне зовут нас в другие концы –
Несчастье случилось на море».

**Виталий Всеволодович
ГАРНОВСКИЙ**
(1902–1981)

Об авторе. Поэт, прозаик, журналист. Родился в Петербурге. Первую книгу, сборник стихов «Море и корабли», опубликовал в 1926 году во время службы на флоте. Жил в Новгородской области, с 1936 г. – в Липином Бору, а с 1948 – в селе Зубово (ныне Белозерский район). Был редактором районных газет «Колхозный путь» и «Красная Шола». На выбор им пути в литературе повлияло знакомство с известными писателями-натуралистами М. М. Пришвиным и В. В. Бианки. Тема «Человек и природа» была главной в его творчестве. Этой теме посвящены книга очерков и рассказов «В краю лесов и озёр», «Песня над рекой», «Белозерье» и др.

СТАРЫЙ ДА МАЛЫЙ

Полдень. Жарища. Безветрие. Из моховых болот нет-нет да и потянет дурманящим запахом багульника, нагретым торфом. Озеро замерло – рыба затаилась от тепла и света под старыми корягами, под широкими листьями кувшинок...

На мыске, под молодыми берёзками курится дымок. Челнок, шалашик из ольховых веток, чайник на рогульках над огнём – рыбацкое становище.

Рыбаков – двое. Дед Алексей Филатыч – плешивый, низенький, суетливый не по годам, любитель поговорить, и его внук – старшеклассник Серёжка, тоже не по годам обстоятельный, не очень говорливый паренёк. Он широкоплеч и медлителен.

Ловят рыбу для колхоза, по наряду. У карасей нерест, ловушки надо проверять почаще, и поэтому рыбаки на неделю забрались на это лесное озеро. Каждый день к ним приезжают за рыбой, привозят продукты и газеты, а старому махорки.

Верши¹ проверены утром, теперь рыбаки ждут возчика. В ивовой корзине, прикрытые мокрой травой, разевают рты караси. Иной словно бронзовый щит – килограмма на три весом. Озеро славно своими карасями.

Рыбаки лежат на траве, позёвывают. Выспаться успели, но делать нечего, можно бы и ещё вздремнуть, однако хочется дожждаться возчика. Всё-таки свежий человек, продукты продуктами, а новости тоже интересны.

М. Ларичев. Летний пейзаж (1970-е гг.)

---

¹ *Верша* – рыболовная снасть в виде плетённой из ивовых прутьев корзины с воронкообразным входом.

– Серёжка!

– Ну?

– Ты у деревни Таршинской, вот как от Пустошки к ней идти, у самой дороги, у ручья, видал провал?

– Видал. Вроде блюда – круглый. Берега что ножом обрезаны, ровные, а невысокие – с метр. И дно ровное. Не провал, а вроде большая сковорода. А что?

– То-то «что?» А знаешь, откуда этот провал взялся?

– Кабы знал, тебе бы, дедо, рассказал. Откуда же мне знать? Провал и провал.

– Ну, слушай меня! Это задолго до меня ещё было. На месте провала изба стояла, а жила в той избе вдова, старуха. И как зима – пускает она в свою избу посиделки, беседу...

– Ну? Дальше.

– Не торопи! Не третий гудок дан! Пускала она, значит, беседу. Молодёжь. Девки за то полы каждую субботу ей намывали, а на первой неделе поста, Великого поста¹, ты такого и не знаешь...

– Не знаю.

– Не знаешь! На первой неделе ей избу мыли набело. А парни – по возу дров обязаны были привезти, избу вдовину отапливать. Такой порядок был. И хорошо! А вон, у вас, у молодёжи, изба-читальня, а зимой и зайти в неё страшно – в тулупе застынешь. Чтоб вам-то так, по-старинному – по возу дров каждому парню привезти.

– Ладно о дровах-то! Сельсовету на дрова для избы-читальни деньги дают.

– Деньгами печь не натопишь – дрова нужны! Лодыри!

– Да хватит об этом. Будет зима, и дров привезём. Ты своё-то начал, так договаривай!

– То-то же! Посмотрю, как привезёте! Ну, жила вдова и бывали у ней посиделки, или проще – беседа. Девки прядут, парни – кто чем занят, ну и песню споют, спляшут. Вдруг приходят в избу три молодца. Красавцы! Во всём чёрном – богато одеты. А кто такие – неизвестно. Однако со всеми за ручку и начинают играть на балалайке под пляску. Здорово выходило! Девки и рады – свои кавалеры и так присмотрелись, куда они денутся, а тут – чужаки. Стали плясать.

---

¹ Великий пост – сорокадневный пост перед Пасхой.

И вот у чужаков изо рта пламя запыхало. Понимаешь? Это черти были!

– Черти? Зачем они пришли? Да ведь не бывает чертей. Неправда!

– В старое время черти были! Ты слушай!

– Ну?

– Завизжали девки – бросились по углам. А парни чертей бить.

Осердились черти – топнул один ногой, и провалилась в землю вся изба с народом. Ни один не спасся! Во как! На том месте провалище стало. Понятно?

Синяя стрекоза пляшет в воздухе перед Серёжкиным носом – парень, затаив дыхание, следит за этой пляской. Затрещав крылышками, стрекоза уносится к лесу. Серёжка вздыхает:

– Всё, дедо?

– Всё! Чего тебе ещё? Понял, говорю, что за провал у Таршинской?

– Ни один человек не спасся? Так, дедо?

– Ни один! Все в провале погибли.

– А как же так, дедо, говоришь – ни один не спасся? Кто же обо всём этом рассказал?

– Кто? Как это кто?

– Ну да, кто? Все погибли, сам говоришь...

Старик сердито хлопает себя по спине:

– Никак оводы появились... Жиганул кто-то в спину! Рано они в нынешнем году, проклятые, залетали!

– Нет, оводов не слышу. Муравей, может, тебе под рубаху забрёл?

– Может, и он. Долго что-то Игнат не едет. Сними-ко чайник с рогульки, видишь – булькает. Надо бы и чайку попить.

– Хлеб, сахар есть. Ухи наварено – за чем дело? Давай пообедаем и чай пить.

– Обождём малость. Надо и Игната покормить. Мужик тоже привык на нашу уху равнение держать. Дождёмся его.

– Так как же, дедо, насчет провала? Кто же всё это видел и об этом рассказал?

– Ты погоди, не сразу. А вот Сорожье озеро знаешь?

– Знаю. В прошлом году с дядей Тимофеем удить туда ходили. А что?

– А видал там на берегу сосновый бор и в бору том – печищи? Остатки от печей. Село там было. В панское разоренье¹ его паны сожгли и всех крестьян побили...

– Это верно было. В начале семнадцатого века!

– Во-во! Ты учишься, должен знать. Так об озере – на нём иной утренней зарёй промеж Иванова дня² и Петрова дня³, как раз в это время село паны сожгли, можно звон слышать.

– Какой звон?

– Колокольный. Церковный. Церковь там стояла, на бугорке. Вот в это самое разорение паны скинули колокол с колокольни да и утопили его посреди озера. Оно же глубокое. Пусть, мол, ни нам, ни вам. В колоколе сто двадцать пудов весу. Наполовину он из серебра литой. Вот какой! Дорогой. А панам его не увезти было! Ну и захоронили в озере. Колокол по утрам сам звонит, на волю просится...

– Не слышал я звону.

– Где тебе! Ты – невера! Комсомол!

– Ну и невера! И хорошо! А ты-то веришь? Это ты сказки мне рассказываешь!

– Истинную правду! Спроси у других стариков – то же скажут.

Тишина. Костёр едва-едва курится, но рыбакам, разомлевшим от зноя, не хочется подбросить сучков. Да и к чему? Жарко! Облачко в небе встало над озером, отразилось в нём среди лесистых берегов и тоже заленилось, задремало...

– Дедо!

– Чего?

– А скажи – на чём они колокол в озеро вывезли?

– Говорил – на челне!

– На таком, как у нас?

– Не знаю. Чёлн, так чёлн и есть. В старину тесовых⁴ не было. Долблёные. Из осины. А что?

---

¹ *Панское разоренье* – название польско-литовской интервенции начала XVII в. на русском Севере.

² *Иванов день* – праздник летнего солнцестояния, приуроченный к христианскому празднику Рождества Иоанна Крестителя (7 июля).

³ *Петров день* – день апостолов Петра и Павла, православный праздник, отмечаемый 12 июля.

⁴ *Тесовый* – сделанный из тёса (тонких досок).

Рис. М. Валлера

– Не мог такой чёлн колокол в сто двадцать пудов поднять, да ещё людей сколько надо, чтобы его в воду сронить.

Старик вскакивает, остервенело чешет поясницу:

– Опять какая-то сволочь жиганула! Что огнём ошпарила! Тебя не кусают?

– Кому кусать-то? Комаров ещё мало, да и у костра мы, у дымка, оводам рано. Не на муравейник ли ты лег? Да, кажется, нет там муравейника, я вчера на твоём месте лежал –

ничего.

– У тебя, может, кожа крепче. Так и жжёт, так и жжёт поясницу!

– Так как же с колоколом?

– Ты побудь здесь, подожди Игната. А я съезжу, посмотрю – нехватила ли щука живца? Не может быть, чтобы на девять жерлиц¹ ни одна не попалась. Карасики насажены – любимое щукино кушанье.

– Какие в полдень щуки? Спят они под корягами. Ужо под вечер загуляют, начнут рыбку похватывать.

Но старик садится в челнок и скоро исчезает за лесистым мыском.

Серёжка пытается задремать, но скоро его будит постукиванье колёс – появляется дядя Игнат на рыжей кобылке.

– Один?

– Один, – отвечает Серёжка, поднимаясь. – Дед скоро вернётся, по озеру погнал жерлицы смотреть.

– Дело! Как улов?

– Пуда три есть. Сегодня крупный карась. Ещё живые – хвостиками шевелят.

– Дело! Вот, пустую корзину примите, а эту давай погрузим, да и поеду я.

– Что так скоро сегодня? Пообедал бы с нами. Уха есть, карась зажарен, с икрой.

– Ушки нальёшь – хлебну, не откажусь, только Филатыча ждать мне некогда. Торопиться наказано, сегодня силосовать начали, подводы нужны.

¹ Жерлица – снасть для ловли хищных рыб на живца.

– Силосовать? Скажи-ко бригадиру – пусть меня сменит, скучно здесь без народа.

– Дед развеселит, он рассказчик.

– Врёт всё!

– Ежели сказки начнёт, конечно. Ты с ним разговор заведи про его жизнь – старик бывалый. И воевал, и в чужих краях бывал. Вот это тебе мать прислала, а это – деду. Папирос ему, кроме махорки, вроде премии. Хорошо ловите! А тебе конфет мягких. Соевые, что ли, мать говорила, любишь ты их. Хлеб вот возьми, а тут крупа, лук зелёный.

Игнат уехал. Опять над озером тишина, теплынь, трещат, пляшут стрекозы, справляют свои воздушные свадьбы.

Серёжка вымыл посуду – угостил-таки Игната ухой, но сам есть не стал, ждёт деда.

– Сивая борода! – ворчит паренёк, поглядывая на озеро. – Обиделся, что я его байкам не верю. А ты не ври! А коли врешь, так складней надо. А то черти, черти, а кто видал? Или колокол – разве увезёшь на челне две тонны?

Но тут он замечает плывущий к берегу челнок, вскакивает и кричит изо всей силы, приставив ладони ко рту:

– Дедо! Давай скорей обедать и чай пить! У меня хорошие конфеты есть! Соевые! Давай, а то не вытерплю – сам съем!

Стрекозы испуганно разлетаются...

Вопросы и задания

1. Являются ли легенды, предания и былички произведениями художественного творчества?
2. Почему при их записывании нужно точно воспроизводить особенности речи рассказчика?
3. Приходилось ли вам слышать от родных, близких, знакомых рассказы, которые можно было бы назвать легендами, преданиями, быличками?
4. Назовите черты сходства и различия жанров легенды и предания.
5. Ознакомьтесь со значениями слова «легенда» по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Есть ли в приведённых там определениях что-нибудь общее с толкованием понятия «легенда», приведённым во вступительной заметке к разделу?

6. Похожи ли легенды чем-нибудь на сказки? Почему они сказками всё-таки не являются?
7. Какое нравоучение заключено в легенде «Как мужик с Николой путешествовали и что они видели»?
8. Как должен был вести себя Фалалей в той ситуации, в которую его поставил святой Николай?
9. Что значат легенды, подобные легенде о белоризцах, для жителей тех городов, с которыми они связаны?
10. Почему «убогие дома» устраивались воеводскими на том месте, где, как считалось, были погребены белоризцы?
11. Составьте описание белоризцев по рисунку В. Н. Карпущенко.
12. Соберите сведения по истории Спасо-Каменного монастыря, подготовьте рассказ о нём с использованием изобразительного ряда.
13. Чем можно объяснить возникновение топонимических преданий?
14. Известны ли вам какие-либо предания, связанные с той местностью, в которой вы живёте? Попытайтесь предположить, как они могли возникнуть.
15. Большинство преданий основано на вымысле. Могут ли они представлять интерес для учёных?
16. Какой смысл придан топонимическому преданию в стихотворении А. Я. Яшина «Деревня Блудново»?
17. К какой разновидности преданий можно отнести предание о происхождении названия Насон-город – к историческим или к топонимическим?
18. Сопоставьте историческую песню «Проклятие Ивана Грозного» с преданием, послужившим основой для него. Как в песне разрабатывается, детализируется ситуация, обозначенная в предании лишь самыми общими чертами?
19. Каким представлен царь Иван Грозный в преданиях?
20. Какие стороны деятельности Петра I нашли отражение в преданиях о нём?
21. Чем отличаются образы Ивана Грозного и Петра I в преданиях?
22. Найдите черты сходства между стихотворением А. Я. Яшина и фрагментом из рассказа В. И. Белова. О чём это сходство говорит?
23. Как в этих произведениях отражены особенности жизни северного крестьянства?
24. Почему лесная царевна в рассказе В. И. Белова не оскорбилась отказом пахаря, хотя и была огорчена?
25. Произведение Е. С. Триновой «Откуда кружева пошли» входит в цикл писательницы «Кружевные сказки». Черты какого жанра в нём сильнее проявляются – предания или сказки?
26. «Откуда кружева пошли» – произведение литературное. Что его отличает от устного народного творчества и что связывает с ним?
27. Почему былички являлись «продуктивным», широко распространённым жанром устного народного творчества?
28. Какие мифологические персонажи действуют в известных вам быличках?

29. Какие средства используют рассказчики для придания быличкам «достоверности»?
30. Подготовьте рассказ по быличке «Как девки на беседе сидели» от лица «девочки маленькой».
32. Как в рассказе Ф. А. Арсеньева связаны между собой две истории: о лисице и о лесовом?
33. Кто мог подать спасительный совет охотнику в избе лесового?
34. К какому литературному жанру относится стихотворение П. Г. Вересова «Сила молитвы»? Черты каких фольклорных жанров в нём использованы?
35. К каким жанрам устного народного творчества можно отнести истории деда Алексея Филатыча из рассказа В. В. Гарновского «Старый да малый»?
36. Отношение кого из персонажей к этим историям ближе автору произведения? Согласны ли вы с ним? Как бы вы прокомментировали спор между Алексеем Филатычем и Серёжкой?

